

Су Нянь прожил в императорском дворце три дня. Всё это время он либо бегал играть с братьями и сёстрами, либо выпрашивал угощения у императора, либо слонялся по задним дворцам. Наложницы, зная, что император души в нём не чает, не смели его задевать, и даже когда он выводил их из себя, они не осмеливались высказать ни слова жалобы. Ван Чжаобао не ходил за ним по пятам: во-первых, того сопровождали Цзиньдао, а во-вторых, он ведь не был настоящей Цюй Фэй, да и вообще не являлся женщиной, поэтому ему было неловко появляться в гареме, к тому же он не выносил подбострастия наложниц, адресованного «Цюй Фэй».

Ван Чжаобао пришёл к выводу, что Су Нянь — настоящий маленький тиран дворца, творящий что вздумается. Разумеется, лишь по отношению к тем, кто ему не по нраву.

— Чи Мо.

Ван Чжаобао открыл глаза. В комнате никого не было. Он снова закрыл их — уже полтора месяца никто не называл его этим именем.

Рядом с ним возник женский силуэт. Красивая девушка с алыми губами и белыми зубами — единственная женщина среди У Ин, Хун Цю.

— А ты неплохо справляешься с этой ролью, — усмехнулась Хун Цю.

Ван Чжаобао открыл глаза, поднялся с кушетки и равнодушно скользнул взглядом по лицу девушки. — Пришла меня сменить?

— Завтра, — Хун Цю покачала головой. — Сегодня у меня ещё есть дела.

— Понятно. — Ван Чжаобао кивнул и потянулся. — Постоянно использовать Технику сжатия костей тоже утомительно.

— Тебе пришлось нелегко, — отозвалась Хун Цю. — Есть что-то, на что стоит обратить внимание?

Ван Чжаобао задумался. Хун Цю — девушка умная, Су Няню, скорее всего, всё равно, кто именно изображает Цюй Фэй, тем более что в этот раз это будет настоящая женщина. Он покачал головой:

— Дворец Цинин проявляет излишнее упорство. Просто береги Малого вана.

— Хорошо. — Хун Цю кивнула и, не говоря больше ни слова, ушла.

В полдень Су Нянь снова отправился к императору, но Ван Чжаобао не пошёл. Он распахнул окно и взглянул наружу:

— Снег перестал.

Су Нянь вернулся только после наступления темноты. Сегодня он был у императрицы и перебрал всех кандидаток, которых император собирался выбрать во дворец, осыпая их насмешками. Довольный, он вернулся и принялся пересказывать всё Сяо Фэю.

Слушая его, Ван Чжаобао вдруг произнёс:

— Малый ван, снег перестал, давайте пойдём кататься на коньках?

— Уже так поздно, завтра ходим, — Су Нянь потянулся. — Завтра, возможно, выйдет солнце. Погреемся на солнышке, поиграем с Тринадцатой сестрой и остальными, а потом вернёмся в поместье.

— А мне кажется, завтра снова пойдёт снег, — невозмутимо ответил Ван Чжаобао.

— Тогда подождём следующего раза, — Су Нянь не придавал этому значения. — На озере всё равно снег, придётся ещё кого-то просить его расчистить.

Ван Чжаобао кивнул, посмотрел на Су Няня и улыбнулся:

— Малый ван, отдыхайте.

Когда Сяо Фэй ушёл, Су Нянь украдкой открыл окно, взглянул на небо и пробормотал: Завтра ведь будет солнце? — после чего позвал служанок, умылся и лёг спать.

Проснувшись, он заметил, что в комнате стало темнее, чем обычно. Су Нянь встал, открыл окно и увидел кружащиеся снежинки:

— Тц, и правда пошёл снег.

Умывшись и выйдя из покоев, он увидел, что Сяо Фэй уже ждёт его:

— Сяо Фэй, ты оказался прав, снег и правда сильный.

— И то верно, — Хун Цю внимательно посмотрела на лицо Су Няня. И правда, хорош собой — кто знает, насколько красивым он станет, когда вырастет? — Ван собирается к императору?

Су Нянь запнулся, затем кивнул:

— Да, скажу отцу, что раз покататься не выйдет, мы поедem домой.

— Слушаюсь.

Су Цзинжун после утреннего доклада находился в кабинете. По пути туда Су Нянь не покидало странное чувство. Поговорив с императором, он решил покинуть дворец.

Издаleка он увидел карету, стоящую у дворцовых ворот, и шесть Цзиньдао, которые уже ждали его. Служанка держала зонт. Су Нянь обернулся и посмотрел на Сяо Фэя, слегка нахмурившись:

— Ты...

— Что случилось, ван? — Хун Цю тут же сделала несколько быстрых шагов.

— Ничего. — Су Нянь покачал головой, подошёл к карете и сел внутрь. Оказавшись в салоне, он уставился на последовавшего за ним Сяо Фэя.

Карета медленно покинула дворец. Су Нянь приподнял занавеску, глядя, как императорский дворец постепенно скрывается из виду.

Тёмная пещера тянулась вдаль. Ван Чжаобао оглянулся на свет позади себя, а затем продолжил путь вглубь. После множества поворотов он наконец увидел впереди слабое свечение. Сделав шаг внутрь, он обнаружил нечто вроде небольшого дома с комнатами и лестницей.

Ван Чжаобао поднялся по лестнице и постучал в дверь в углу. После трёх стуков дверь отворилась. В комнате горело несколько свечей, мужчина лежал на столе, читая книгу.

— Дядюшка Гу, твои глаза стали видеть ещё хуже? — Ван Чжаобао закрыл дверь, подошёл и подвинул свечу.

— М-м, — невнятно отозвался Одноглазый Гу и поднял голову, посмотрев на Ван Чжаобао. — Вернулся?

— Вернулся, — кивнул Ван Чжаобао и сел на стул рядом.

— Как ощущения? — У Одноглазого Гу были седые растрёпанные волосы, костлявое тело и хриплый голос. Кожа его была неестественно белой — той самой белизной, что бывает у тех,

кто никогда не видит солнечного света.

— О чём ты?

— Хе-хе, — Одноглазый Гу усмехнулся и закрыл книгу. — Каково это — жить наверху?

Ван Чжаобао тоже улыбнулся, кивнув с явным удовлетворением:

— Очень хорошо.

Одноглазый Гу слегка приподнял бровь, молча глядя на него.

— Дядюшка Гу, почему ты порекомендовал меня евнуху Цинь? — В У Ин были люди, которые внешне подходили гораздо лучше, чем Ван Чжаобао.

— Редкая возможность, в конце концов. Задание не требовало убийства, и как только старик Цинь заговорил об этом, я сразу подумал о тебе. — Одноглазый Гу пожал плечами и помолчал.
— Чи Мо, У Ин — место слишком мрачное, но ты — единственный ребёнок, которого я видел за все эти годы, чьё сердце осталось чистым и светлым, даже когда он повзрослел.

— Когда тебя привели сюда, я впервые увидел тебя и подумал: ещё один ребёнок погублен. Но с годами, каждый раз встречая тебя, я чувствовал, что ты отличаешься от всех остальных в У Ин.

— Хотя ты находишься в бездне, ты можешь смотреть вниз на грязь под ногами, можешь спокойно смотреть на холод вокруг себя и поднимать взгляд к небу, чтобы увидеть невидимое солнце. Твоё сердце всегда сохраняло свой первоначальный цвет. — Одноглазый Гу слегка изогнул губы. — Чи Мо, ты помнишь тот раз, когда проходил у меня испытание?

— Помню, — кивнул Ван Чжаобао, глядя на пустую левую глазницу Одноглазого Гу. — Твой левый глаз выколол я.

— Пф. — У того и так не было левого глаза, но в тот раз Чи Мо просто вырвал «украшение», которое тот носил.

У Ин искали сирот и привозили в эти безымянные горы. Группа детей начинала тренировки в самом нижнем ярусе. Здесь было много учителей, которые учили лишь одному — убивать. Не выдержал — умрёшь. Не хочешь оставаться внизу — бейся с каждым из учителей. Победишь — сможешь подняться выше, или, если сможешь, убей учителя — это тоже выход. Проще говоря, всё было именно так, хотя жестокость этого процесса трудно описать словами.

Обычно из тридцати с лишним детей выживали лишь шесть-семь, становясь У Ин. Став ими,

они принимали Яд Шелкопряда, который был нужен для контроля. После приёма яда на предплечье появлялась чёрная сеть размером примерно с три сложенных вместе медных монеты — это был знак У Ин. Раз в месяц они получали противоядие, а те, кто пытался сбежать, умирали в муках от действия яда.

У Ин не могли сбежать: они либо убивали, либо были убиты. Старей, они сами становились учителями, живя в оцепенении и тренируя тех, кто однажды их убьёт.

— Держи. — Одноглазый Гу протянул Чи Мо пилюлю. — Благодаря тебе я получил здесь эту непыльную должность.

Тогда Ван Чжаобао было одиннадцать. Одноглазый Гу был последним учителем, с которым ему предстояло сразиться, и единственным, кого он не убил. Ван Чжаобао вырвал ему глаз, но при этом улыбнулся. С тех пор Одноглазый Гу перестал обучать детей, стал связным для евнуха Цинь и тем, кто выдаёт противоядие. А Ван Чжаобао стал самым молодым, самым сильным и искусным У Ин за всю историю организации. За семь лет многие пытались втайне или открыто столкнуть его с вершины, но никому это не удалось.

— Спасибо, — Ван Чжаобао убрал пилюлю. — Этот месяц я провёл очень счастливо.

— Вот и хорошо, — Одноглазый Гу кивнул и искренне улыбнулся. — Если хочешь поблагодарить меня, просто оставайся таким же.

— Как ты понял, что я отличаюсь от них? — Ван Чжаобао опустил взгляд на себя. — Мне кажется, я ничем не отличаюсь.

— Потому что ты — это то, каким я сам хотел бы стать, — Одноглазый Гу указал на свою пустую глазницу. — Здесь нет глазного яблока, но вижу я гораздо яснее.

— Чи Мо, если однажды ты сможешь... — Одноглазый Гу замолчал, помолчал немного и продолжил: — Иди отдохни.

Ван Чжаобао не двинулся с места:

— Дядюшка Гу, что значит «если я смогу»?

Одноглазый Гу улыбнулся — улыбкой беспомощной и полной сожаления:

— Если бы ты мог покинуть У Ин, что бы ты сделал?

Неизвестно почему, Ван Чжаобао внезапно вспомнил Су Няня — юношу, на которого изливались все милости мира, его единственного друга.

— У Яда Шелкопряда ведь нет антидота, — Ван Чжаобао поднялся и направился к выходу. Уже у двери он вдруг вспомнил и обернулся к Одноглазому Гу. — Дядюшка Гу, император посылал У Ин убить главу дворца Цинин?

— Посылал. Гу Бай и Цин Лань отправились туда, но их, должно быть, непросто найти, иначе Альянс боевых искусств не позволил бы дворцу Цинин так бесчинствовать в цзянху.

Значит, скоро всё решится. Император говорил, что за полгода сможет всё зачистить, так что, наверное, пора. Ван Чжаобао развернулся и вышел из комнаты Одноглазого Гу. Спустившись по лестнице, он направился к одному из множества пещерных проходов. Вскоре показалось ещё одно небольшое строение — здесь жили У Ин.

Комната Ван Чжаобао находилась на самом верху. Это была единственная комната там, и обычно никто не осмеливался его тревожить — пожалуй, это была единственная привилегия первого номера У Ин.

Толкнув дверь, он вошёл в полумрак. Ван Чжаобао сел на кровать, достал пилюлю и разжевал её. Она была горькой, как всегда. Проглотив её, он вытащил из-за пазухи изящную коробочку — мазь, которую дал ему Су Нянь.

Закатав рукав левой руки, он посмотрел на уродливое чёрное пятно, похожее на паутину. На самом деле он был левшой, но без крайней необходимости никогда не использовал левую руку — возможно, из-за того, что не любил эту метку. Нанеся немного мази, он с горькой усмешкой подумал: если бы это лекарство могло свести метку, он бы обязательно разыскал Су Няня, трижды поклонился ему в ноги и назвал своим маленьким предком.

<http://bllate.org/book/20003/1973144>